

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

★
СПЕЦНАЗ
ГРУ

Боевая

эвтаназия

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.
С17 Боевая эвтаназия / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-117631-0

В Россию с территории Грузии проникает крупная банда террористов. В их арсенале мощное бактериологическое оружие, разработанное в секретной лаборатории американских спецслужб. Найти и уничтожить боевиков приказано роте спецназа ГРУ старшего лейтенанта Виктора Собакина. Накануне боевой операции старлею ставят серьезный диагноз – неоперабельная опухоль спинного мозга. Виктор понимает, что смерть может быть разной: на госпитальной койке или в жесточайшем бою с противником. Но российский офицер уже сделал свой выбор...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117631-0
© Самаров С.В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ГЛАВА 1

Спецназ погранвойск «Сигма» преследовал крупную банду. Она состояла из полутора, а то и двух тысяч бойцов ИГИЛ, изгнанных из Сирии правительственными войсками при помощи Российской армии. Пограничники шли за ней от самой границы с Грузией.

Бандиты вполне могли бы остановиться и завязать удачный для себя бой, поскольку преследовали их не более шестидесяти бойцов «Сигмы». Но, видимо, перед бандой стояла другая задача. Она должна была непременно углубиться на территорию России, образить личным составом, стать куда более серьезной и опасной силой, а потом проникнуть в глубь страны, чтобы там творить свои черные дела и ни в коем случае не завязнуть в приграничной зоне.

В какой-то степени пополнить личный состав им удалось сразу. Уже вскоре после перехода границы к основным силам присоединились четыре небольшие преступные группы, состоящие

из молодых местных жителей. По мере продвижения в банду вливались по одному, по два, по три человека, тоже, конечно же, из числа местных жителей, которые поджидали своих поделщиков и единомышленников в ущельях, неподалеку от границы, заранее зная путь следования банды.

Это были люди из числа тех, которые до этого поддерживали ИГИЛ только морально, в мыслях сочувствовали им, но уйти в ряды террористической организации, действующей за пределами России, по каким-то обстоятельствам не смогли. Кто-то не сумел оформить визу, необходимую для выезда в сопредельные страны, кого-то не отпустили домашние дела. Да мало ли какие могли быть причины, вплоть до элементарной нехватки средств на поездку.

По пути следования банда дважды посещала дагестанские села, где некому было оказать ей достойное сопротивление. Кроме разве что одного-двух полицейских. Эти люди заранее понимали свою дальнейшую участь, но все же выступили против незваных гостей с оружием в руках.

Бандиты пролили в селах много крови. Они расстреливали людей просто потому, что те были им не рады.

Народы Дагестана издревле хорошо встречают тех, кто приходит к ним с добром, и оказывают сопротивление тем, кто желает навязать

им свою волю. В этом в начале августа тысяча девятьсот девяносто девятого года убедились бойцы Басаева и Хаттаба, пожелавшие включить Дагестан в сферу своего влияния. Чеченских боевиков тогда встретили женщины и старики с косами и с охотничьими двустволками в руках. Они не желали пустить их на свою землю и отстояли ее, когда собралось ополчение и спешно подошли части регулярной Российской армии. Бандиты же рассчитывали, кажется, совсем на другой прием.

По ходу этих событий «Сигма» была усилена пограничниками из двух отдельных групп специальной разведки, официально приравненных к ротам, хотя по численности они составляли только взводы. Первая была из состава Нальчикского погранотряда, вторая — из Хунзахского, то есть местная, дагестанская. Они вели преследование по всем правилам боевых действий, не отставали от противника ни на шаг, однако в боевые действия почему-то, к удивлению бандитов, не вступали.

Тем к тому времени было уже не до сел. Видимо, информация о том, что «Сигма» в основе своей была сформирована из офицеров прославленного управления «А» ФСБ России, у бандитов имелась. «Альфа» наводила страх на террористов еще с 1978 года. Тогда эти ребята малыши

силами штурмом взяли дворец президента Амина в Кабуле и расстреляли его. Все это невзирая на мощную охрану, составленную из великанов-гвардейцев и усиленную бронетехникой.

Эти традиции в спецназе погранвойск полностью сохранялись и не обещали бандитам ничего хорошего. Может быть, это тоже сыграло свою роль в нежелании банды завязать бой. Видимо, количественные силы преследователей были им неизвестны, а предположить, что преследование ведет настолько небольшая группа, они даже не могли.

Может быть, бандиты просто знали, что дальше им предстоит столкнуться со спецназом военной разведки, который обычно работает в тесном контакте с «Сигмой». Поэтому они берегли силы и пытались пройти погранзону как можно быстрее, надеясь на то, что спецназ военной разведки не успеет развернуться и перекрыть им дальнейший путь. Но бандиты просчитались.

Военным разведчикам требуется минимальное количество времени на подготовку к бою. В принципе, они могут вступить в схватку, едва только покинув борт вертолета. Солдаты были очень неплохо обучены этому, могли стрелять прицельно и с борта вертолета, и даже с каната, по которому они спускались на землю, удерживаясь только ногами.

В этот раз вертолеты выбросили спецназовцев Главного управления Генерального штаба, как сейчас официально называется ГРУ, там, где, согласно полученным данным, только и могла пройти банда. Это место оказалось самым удобным для обороны. Поперек ущелья здесь располагалась возвышенность, созданная относительно недавно обвалом части хребта. А от спецназовцев требовалось именно держать оборону, запереть банду в ущелье до подхода основных сил, поскольку пока в распоряжении командования оказалось только одно подразделение. Это была разведрота в усеченном, как обычно и бывает в спецназе ГРУ, составе.

Что могут сделать семьдесят шесть человек против полутора тысяч! Даже семьдесят семь, если считать и самого командира роты. К тому же старший лейтенант Собакин принял это подразделение только четыре недели назад, по сути дела непосредственно перед отправкой на Северный Кавказ, когда утверждался состав участников командировки.

Старшему лейтенанту даже звание капитана присвоить не успели. Обещали, даже документы в Москву отправили. Но там, как это обычно и бывает, с отправкой приказа не поспешили.

Теперь неполной роте во главе с новым командиром предстоял неравный бой. Конечно,

погранцы поддержат огнем. Сомневаться в этом несколько не приходилось. Не зря же они тратили время на преследование. Но их тоже было слишком мало для полноценного боя с противником, настолько превосходящим по численности.

Военные разведчики и пограничники могли атаковать бандитов с двух сторон. Стрельбу обоим подразделениям предстояло вести сверху вниз, что исключало причинение помех одним подразделением другому. Ни одно из них не рисковало попасть под огонь смежников. Однако как армейским разведчикам, так и спецназу погранвойск элементарно не хватало стволов, о чем бандиты, скорее всего, не подозревали.

Правда, пограничники ожидали, что им вертолетным бортом подбросят минометную батарею. Но всего одно такое подразделение тоже никак не могло сделать погоды. Спецназу ГРУ была обещана поддержка с воздуха, как только освободятся с других боевых участков вертолеты-ракетоносцы. Но это тоже не сразу, поскольку вертолетам требуется и подзаправиться, так как питаются они не воздухом, и пополнить боекомплект, а потом еще добираться до места.

Правда, в сводном отряде спецназа военной разведки, действующем на Северном Кавказе, очень даже к месту оказался свободным взвод минометной поддержки, который сразу, вме-

сте с орудиями и тройным боекомплектом, был присоединен к разведроте. Вертолет, на борту которого находилось данное подразделение, умудрился сесть в ущелье. Но и этого тоже было ничтожно мало.

Усложняло ситуацию еще и то, что между командирами разведывательной роты и отряда спецназа погранвойск не было прямой связи. Она осуществлялась через штаб погранвойск. Любое сообщение командира «Сигмы» сначала поступало туда, потом — на узел связи сводного отряда. Только после этого оно доходило до командира роты старшего лейтенанта Виктора Алексеевича Собакина.

Такая длинная цепочка связи, очень напоминающая детскую игру в испорченный телефон, не устраивала никого. Терялось время и точность согласований.

Начальник штаба сводного отряда взялся установить прямую связь. По крайней мере, он пообещал подумать над решением этого вопроса. А пока приходилось удовлетворяться изначальным вариантом.

Но старший лейтенант Собакин лучше многих других знал, что майор Крашенинников слов на ветер никогда не бросает. Он когда-то служил вместе с ним, в одном батальоне, где тот тоже был начальником штаба. Если майор обещал,

то он что-то обязательно придумает. Поэтому командир разведывательной роты не отчаивался. Он вообще по характеру своему не имел такой дурной привычки.

В завершение сеанса связи майор спросил его именно об этом:

— Ты не сильно отчаиваешься, Виктор Алексеевич? Понимаю, что стволов у тебя мало. Но никого под рукой больше нет. Как у тебя позиция-то? Можно держаться?

В старой системе связи, работавшей с помощью радистов, каждый абонент имел собственный позывной. Связь через оснастку «Ратник» была шифрованной сама по себе, автоматически. Роль такого оборудования здесь исполняли нагрудные приборы каждого солдата и офицера. Поэтому прямое упоминание имен и званий стало теперь вполне допустимым.

— Мы постараемся, товарищ майор, — ответил старший лейтенант довольно кисло.

— Ты обязан постараться. Горы, это ведь твоя стихия. Я так понимаю, что звание мастера спорта по альпинизму кому попало за здорово живешь не дают!

— Вообще-то, товарищ майор, все правильно. Горы, это и в самом деле моя стихия. Только мастер спорта я не по альпинизму, а по горному туризму. Это разные вещи. Горный спорт де-

лится на несколько разделов. Это и альпинизм, и горный туризм, и скалолазание. С большой натяжкой сюда же можно отнести и спелеологию, однако натяжка эта искусственна, поскольку пещеры не только в высоких горах располагаются.

— А как твоя голова? — поинтересовался начальник штаба, не вдаваясь в подробности горного спорта, который он, по большому счету, вообще не понимал.

«И этот уже знает», — с раздражением подумал командир роты.

Он ведь специально ездил в онкологический диспансер, находящийся в другом городе своей же области, тратил на это дни своего отпуска, чтобы никто ни в части, ни в семье не проведал о его болезни. Старший лейтенант рассчитывал, что этого никто не знает. Так, по крайней мере, должно было бы быть. Однако кто-то узнал. Если пополз слух, то остановить его уже практически невозможно.

Сейчас Собакин едва ли не выл от боли, но при этом держался так, что никто из бойцов, окружающих его, ничего не заметил.

— Нормально голова, — ответил он вполне бодрым голосом и осведомился: — А что у меня с ней не в порядке? Стрижка не та?

— Ничего. Это я так, на всякий случай. Разговоры ходят, что у тебя голова часто болит.

В реальности она болела не часто. Так было всегда. Неутешительный диагноз — неоперабельная интрамедуллярная опухоль спинного мозга — ставил жирный крест не только на военной карьере, но и, кажется, вообще на жизни старшего лейтенанта. Врач, к которому Виктор Алексеевич приехал по наводке старого товарища, теперь уже отставника, произвел тщательное обследование.

После этого он сказал откровенно, сразу на «ты», не опасаясь сильно испугать боевого офицера спецназа:

— Могу дать тебе максимум полгода жизни. Но с постоянной болью. Ты ужасно запустил свою болезнь.

— Не моя вина. Наш ротный фельдшер изначально сказал, что у меня банальный остеохондроз. Оттого и шея болит, а от нее и голова. Хотя я даже не думал, что от остеохондроза могут быть такие боли, которые словами описать невозможно. Ведь порог чувствительности у всех разный. Но фельдшер уверил меня в том, что боли могут быть и с трудом переносимые, даже свое лекарство предложил.

— Какое же?

— Гель для лошадей. Продается без рецепта. Чаще он попадает в ветеринарных аптеках, но можно найти его и в человеческих. Вначале он мне помогал. По крайней мере, боль снимал.

— Он и должен был снимать. Но только в малой мере. Да и то лишь в те моменты, когда боль сама по себе хотя бы частично отступает. Потом начинается регрессия. Ты причину принял за следствие. В результате теперь у нас в стране сделать тебе операцию не возьмется ни один онкохирург. Согласиться-то они могут, но, по правде говоря, только от твоего и своего собственного отчаяния. Я не уверен, что это возможно в Германии, в Израиле или в Чехии. Только в этих трех странах такие операции делать умеют. Сможешь набрать денег? В Чехии, кстати, операция в два раза дешевле. Помимо всего прочего сумма включает в себя послеоперационный уход за больным.

— Чехия входит в состав НАТО, как и Германия. Значит, это исключено. Ни в одной из стран, входящих в этот военный блок, не будут лечить российского офицера с моим настоящим и прошлым. Тем более спецназовца военной разведки. Если в Чехии, в Германии или даже в любой другой стране, входящей в НАТО, не дай бог случится какая-то беда, то обвинят в ней прежде всего именно меня, даже лежащего на операционном столе, под капельницей и с аппаратом искусственной вентиляции легких. Такое уже бывало не раз. Случалось даже смешнее.

— Остается Израиль.